Мальцев К. А. Феноменология советского: от марксизма к сталинизму : рецензия на книгу Сергея Никольского о генезисе советской эпохи // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 415–427.

Константин Мальцев*

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО: ОТ МАРКСИЗМА К СТАЛИНИЗМУ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ СЕРГЕЯ НИКОЛЬСКОГО О ГЕНЕЗИСЕ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Никольский С. А. Советское. Идея и практика. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2023.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-415-427.

Период 1917–1991 гг. в истории России, именуемый *советским*, был и остается в фокусе внимания мировой и отечественной гуманитаристики. Самим своим влиянием на процессы современной российской истории, объективным или навязываемым, советская эпоха демонстрирует свою непреходящую актуальность. Для науки ее наследие всеобъемлюще — и настолько же феноменально: оно располагает к построению обобщающих концепций историко-философского толка, и оно же представляет богатейший материал для реконструирующих исследований в жанре локальной истории. Массив последних, сосредоточенных на подробном и скрупулезном анализе избранных событий, явлений и фигур советской истории и при этом непредвзято драматизирующих повседневное и рутинное, сегодня превалирует. Но похоже, пришло время и для фундаментальных текстов, во всей полноте содержания и в тонкости нюансов переосмысливающих советский социально-политический опыт. И монография С. А. Никольского, объективная и одновременно полемизирующая, не сбивающаяся на сухие констатации и однозначные оценки, — тому подтверждение.

Известный тезис о том, что советскому, как практическому воплощению теории перехода от капитализма к социализму и коммунизму, изначально присущ глубочайший разрыв («феномену советского присущи

*Мальцев Константин Альбертович, к. филос. н., доцент, Пермский государственный институт культуры (Пермь), k.maltsev1971@mail.ru, ORCID: 0009-0007-7606-3736.

**© Мальцев, К. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

взаимоисключающие начала» (Никольский, 2023: 10)) социально-экономических условий России с концепцией Маркса, автор подвергает существенному уточнению.

Первая часть книги «Советское. Идея и практика» исследует опыт понимания и практического осуществления марксистской теории применительно к извечной для Руси, России, Советской России аграрной проблеме.

Среди множества различных областей общественной практики, в которых советское проявляет себя, в качестве приоритетной для исследования я избираю аграрную сферу жизнедеятельности человека в России и СССР — одну из наиболее трагичных и характерных для отечественной истории второй половины XIX–XX столетий (там же: 18–19).

Начинает автор с исторического анализа самой «почвы», в которую пересаживались, где приживались и прорастали зерна марксизма. *Почва*, по С. А. Никольскому, — это одновременно и тип присущего России земельного хозяйства, и уходящий вглубь исторической традиции общинно-родовой уклад, и особая «матрица» общественного сознания, способ самоидентификации народа, при которой причудливым образом, то есть во многом иррационально, уживались идеологема богоизбранности («особого пути развития») вкупе с «имперскостью» (там же: 42–43)), склонность к «бессмысленному и беспощадному» бунту и покорность в отношении самодержавной власти вне зависимости от ее происхождения и формы (там же: 54). Эту «почву» очень часто называют «народом» — как ее носителя. И здесь не обойтись без по-прежнему жизненного высказывания И. Бунина: «Народ сам сказал про себя: „Из нас, как из древа, — и дубина, и икона“, — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев» (цит. по: там же: 22). Этой постоянно меняющей свои обличия, но скорее самовоспроизводящейся, чем эволюционирующей русской «почве» С. А. Никольский уделяет пристальное внимание (там же).

Забегая чуть вперед, скажем, что размышления С. А. Никольского о теории и практике марксизма в контексте русской общинной «почвы» (и этот контекст шире, нежели только тип хозяйствования и поземельных отношений) фактически и логически подводят читателя, как кажется, к выводу о неискоренимости общины и общинной психологии в России, именно в силу их естественности и традиционности. Пережившая в XX в. немало насильственных трансформаций и мутаций,

община (в виде мировоззренческих ценностей, устойчивых норм и практик, составляющих элементов сознания и т. д.), как показывает автор монографии, имела настолько длительный «период полураспада», что оказалась прочно вплавлена во все формы коллективной организации советского. Парадокс истории в том, что советское, явившись попыткой коренного переустройства общества и сотворения нового человека, новых народных масс, активно задействовало в своих преобразованиях традиционные и архаичные начала русской культурной «почвы».

Далевой взгляд исследователя, проникающий в эпоху монгольского владычества на Руси, обнаруживает исток «феномена покорности» именно в особом образе жизни — организации связей внутри социума и повседневных привязанных к земле рутин «в качестве фундаментальной особенности формы правления и государственного устройства; как фактор, определяющий общее состояние общественных отношений; и, наконец, как довлеющее чувство и строй мыслей социальных общностей и отдельных индивидов» (Никольский, 2023: 54). А тип самодержавной власти, что освоила и усилила азиатскую технологию извлечения покорности из масс народа путем насилия, сложившийся в точке перехода «от Руси к России» в XV–XVI вв., автор определяет как «ухудшенный — более жестокий и менее гуманный вариант „русской Орды“, своего рода ее православную кальку» (там же: 63). Третий элемент после самодержавия и православия, «народ», маркирован главными своими правовыми и экономическими признаками — общинностью и податностью, нахождением «под данью», а также эфемерным с правовой точки зрения отношением к собственности. И эти родовые его свойства были впоследствии «творчески» использованы большевиками в деле выведения «нового человека». Ибо

именно общинная коллективность, достигаемая нивелированием личного начала, тотальным подавлением индивида коллективом и удержанием каждого в состоянии покорности, была тем исторически выработанным качеством, которое, наряду с общинной собственностью, вошло в природу советского (там же: 105).

С. А. Никольский здесь, как кажется, уловил и сформулировал то, чем община не являлась по своей природе, а именно — источником свободного рыночного земледелия на частнособственнической основе и самостоятельного, рационально организованного индивидуального сознания. Автор убедителен, отстаивая мысль о том, что

исторически община обеспечивала и воспроизводила покорность в качестве основной формы поведения крестьян, которая была оптимальным способом выживания для сообщества на примитивном уровне хозяйственного развития и одновременно удобным способом властного управления (Никольский, 2023: 91).

Модернизация второй половины XIX в., инициированная отменой крепостного права в 1861 г. и продолженная аграрной реформой П. Столыпина, во-первых, была призвана прирастить эти качества, одновременно купирова «константу» самодержавия, а во-вторых, сконструировать принципиально иную модель российского социума (и «нового», но не в большевистском понимании, человека), гораздо более адекватного для приложения к нему идей классического марксизма. В реальности социально-экономическая эволюция не успела затронуть глубинных слоев «русской почвы», традиционного менталитета, диктовавшего образ жизни подавляющему большинству народонаселения. Представления о необходимости введения интенсивного землепользования и права частной собственности, о свободной торговле и личном индивидуализме не могли преодолеть «глубоко укорененные и потому „естественные“ формы организации общественного, а на самом деле не общественного, а общинного целого; представлений о коллективности в форме аграрной общинности как оптимальной формы бытия сельского социума» (там же: 84). Тем самым, считает С. А. Никольский, — это следует признать оригинальным промежуточным итогом его рассуждений, — судьба марксизма в России тесно связана с циркулировавшей в общественном сознании идеей о присущем традиционной аграрной общине коллективистском «социалистическом начале», — в отличие от Европы, где условия для реализации идей Маркса были подготовлены уровнем развития промышленного капитализма, института собственности и пролетаризацией производительных сил. Потому не выглядит парадоксальным, что генезис, развитие и практическая реализация марксизма в России исследуются С. А. Никольским не в контексте индустриального сектора — даже в начале XX в. далекого в своих показателях от европейского и американского, — а именно в дискурсе решения аграрного вопроса.

Из «Манифеста Коммунистической партии» русские теоретики-марксисты с ходу взяли в разработку тезис о необходимом и неизбежном уничтожении частной собственности на орудия и средства производства как основы эксплуатации человека человеком. За ликвидацию помещичьего землевладения, уравнительный передел земли и революционно-террористические методы даже не захвата власти, а уничтожения ее

как таковой выступали еще домарксистские либералы (А. Герцен) и ранние марксисты (П. Ткачев, М. Бакунин, Г. Плеханов, народовольцы) (Никольский, 2023: 84–85). Иррациональный потенциал русского бунта был признан ими (а впоследствии и большевиками) эффективным инструментом разрешения ситуации предельного «обострения нужды и бедствий народных масс», то есть революционной ситуации, в определении В. Ленина. Другие же краеугольные положения Маркса и Энгельса, развитые как в «Манифесте», так и много позже, в «Капитале» и поздних работах и письмах — о трудовой собственности, ее вытеснении капиталистической собственностью на средства производства, индивидуальной свободе (личной и экономической) и естественном, а не насильственном изживании крестьянской мелкобуржуазности как непременном условии свершения социалистических преобразований, — были сдвинуты стратегами русской революции на периферийные позиции (там же: 100).

При этом С. А. Никольский абсолютно прав, подчеркивая, что Маркс и Энгельс в своем анализе перспектив коммунистических преобразований в России «при нормальных условиях свободного развития» (там же: 101) крестьянской общины, спрогнозировав вероятность «перепрыгивания» стадии развитых капиталистических отношений, невольно стали источником великого соблазна, которому поддались их последователи в России. Автор резюмирует: «Этого [...] Ленину и большевикам было вполне достаточно для определения с опорой на Маркса своей главной цели — недопущения в России капитализма ни под каким видом» (там же). Поэтому, а не только из-за начавшейся гражданской войны, Ленин и партия большевиков, по сути, отказались от политики, которая была заявлена в октябре 1917 г. либеральными декретами и лозунгами «Вся власть Советам!», «Земля — крестьянам!» и т. д.

Но принудительный характер общины в России, направленный на выживание, а не на «жизнь», ее внутренняя иерархичность — оставались вне поля зрения Маркса и Энгельса (что русские марксисты часто игнорировали), как и ментальные установки, эту общину скреплявшие. Именно по этой причине «фантазийное представление об аграрной реальности будущего» (С. А. Никольский), которое Энгельс описывал в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» как превращение крупных частных латифундий в обобществленную собственность, «коллективно обрабатываемую товариществами сельских рабочих», объединенных в ассоциации (причем объединенных путем убеждения, а не насильственно (там же: 111)), на плановой основе, в советской практике

второй половины 1920-х гг. приняло форму сталинской коллективизации. Подкрепляющие мысль С. А. Никольского избранные цитаты из Энгельса, несмотря на их «фантазийность», воспринимаются не иначе как универсальное руководство по конкретным шагам для большевиков, не только в аграрной сфере, но и в проведении социально-экономической политики в целом.

Этими конкретизациями были идеи абсолютизации общественной (государственной) собственности на землю, доминирования во всех отраслях хозяйствования принудительной коллективности общинного типа, универсального [...] «нового социалистического человека-работника», всеобщего, в том числе рабского принудительного «перевоспитывающего и облагораживающего» труда крестьян и заключенных ГУЛАГа, особой роли партийного аппарата (универсального по формам занятости, покорного в управлении в отношении вышестоящих и негибкимо-решительного в отношении нижестоящих) (Никольский, 2023: 113).

Исследуя ленинизм (ленинскую модель марксизма), С. А. Никольский отмечает следующее. Во-первых, общеизвестное, а именно — недогматическое, крайне политизированное восприятие Лениным наследия Маркса.

Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях [...] для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России (там же: 125).

Из элементов теории Маркса Ленин собрал собственный «пазл», поставив во главу тезис о борьбе классов «как основной операциональной форме становления и развития [...] нового строя» (там же: 138), о диктатуре пролетариата как единственном способе существования социализма «в отдельно взятой стране».

Во-вторых — и это, несомненно, заслуга автора, — глубоко исследовано превращение марксизма в «ленинском изводе» в эффективную именно своей жесткостью технологию захвата и удержания власти силами профессиональной политической партии. Здесь С. А. Никольский включает в свою аргументацию морально-нравственный аспект. Казалось бы, анализ политики, тем более такой практической политики, как

классовая борьба, не должен предусматривать морально-нравственный критерий. Тем не менее автор монографии апеллирует к сочетанию русской революционной традиции и религиозной философии XIX в. и показывает, что борьба за социалистические идеалы в русских реалиях — это прежде всего радикальное правдоискательство и поиск решения глубоких этических проблем. Ленин же с соратниками «решительно повали с моралью, всегда бывшей одной из опор русских революционеров, превратили нравственность в относительное понятие, продиктованное партийной целесообразностью» (Никольский, 2023: 131).

В-третьих, «военный коммунизм», проводившийся в 1918–1921 гг. насильственно-репрессивными методами как упразднение частной собственности на землю и организация коллективных крестьянских хозяйств в условиях гражданской войны (ускоренный «курс на социалистическое земледелие»), программно начал формироваться Лениным еще во время его полемики с Г. Плехановым в 1901–1903 гг. (см. там же: 124, 134–135). Мероприятия «военного коммунизма» выступили ярким показателем различий в понимании марксизма у Плеханова и Ленина. Первого революционера С. А. Никольский называет «марксистским фаталистом» (там же: 136). Вхождение русской деревни в социализм, по Плеханову, — ее историческая судьба и осуществление жизненного идеала, недостижимого для общины. Для характеристики аграрных преобразований второго революционера, Ленина, в период после октября 1917 г. используется термин «фанатизм». Ленинская позиция периода «военного коммунизма», как указывает автор, — это фанатичное (то есть без оглядки на средства, жертвы, морально-нравственные законы) воплощение «мировоззренческой установки о „счастливой“ возможности для русской общины „перепрыгнуть“ из феодализма в коммунизм, минуя бедствия капитализма, что было возможно лишь при поддержке победившего революционного пролетариата Европы» (там же: 141).

С. А. Никольским отмечается, что и доктрина мировой революции В. Ленина и Л. Троцкого, обнаруживая очевидные параллели с марксовым пониманием коллективности общины (со скрытыми в ней, несмотря на изживающий себя архаизм, ферментами коммунистической собственности на средства производства), не была настолько лишена оснований и наивна, как это преподносилось в критической позднесоветской и российской историографии и публицистике. Маркс допускал, что «если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом

коммунистического развития» (Никольский, 2023: 104). Однако спустя годы Ленин формулировал условия для свершения мировой революции уже с поправкой на социализм «в отдельно взятой стране»:

Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? (там же: 173).

По мнению С. А. Никольского, Ленин в начале 1920-х гг., в последних своих статьях, осознал нехватку «новых людей», качественного человеческого материала для совершения страной того самого «скачка», который бы стал спусковым механизмом для всемирной социалистической революции. Постоянные крестьянские восстания в регионах с разгулом продразверстки и, главное, резонансный мятеж в Кронштадте 1921 г. показали, что государство почти утратило свою социальную опору, а крестьянство — что общинное, что собранное в коммуны и совхозы, — деградировало как социально, так и в хозяйственном отношении. Кроме того,

проводимая политика продразверстки сразу разрушила хрупкий союз между рабочим классом, с одной стороны, и зажиточным и средним крестьянством, укрупнившимся после отмены помещичьего землевладения, с другой, которое было недовольно запрещением свободной торговли и ужесточением хлебной монополии (там же: 259).

Автор оценивает политику «военного коммунизма» как провальную попытку ввести коммунизм с ходу, подавляя не только крупные частные, но и любые товарные («буржуазные») хозяйственные модели производства и землепользования, кроме тех, что отвечали непосредственным нуждам сбора и распределения продовольствия. Но иного и нельзя было ожидать от Ленина и его последователей, которые при решении социальных и экономических вопросов под предлогом военной необходимости (например, рекрутирование общинных хозяйств в совхозы и коммуны, разрушение кооперативного движения, продовольственная диктатура государства, милитаризация труда и т. д.) руководствовались прежде всего теорией классовой борьбы (в данном случае — пролетариата против крестьянства) и императивом-директивой не допустить развития капитализма.

Осознанная Лениным необходимость перехода от «военного коммунизма» к НЭПу вновь обострила вопрос формирования «нового человека»,

причем в предельно сжатые сроки — за два-три года, чтобы снять опасность назревшей культурной деградации (этот процесс начался, когда к власти в деревне была допущена «низовая» советская бюрократия и силовики — комбеды и продотряды (см. Никольский, 2023: 257–258)). Проект изначально выглядел утопическим. Делая резюме по данному пункту ленинского завета, С. А. Никольский справедливо сомневается: можно ли в принципе было сформировать культурную элиту в «пожарном» порядке, за два-три года, если в естественном состоянии общества на это уходят десятилетия (там же: 172)?

Точка зрения С. А. Никольского на НЭП пронизана сожалением по утраченной возможности — начатым преобразованиям в условиях социально-экономического форс-мажора и пониманием того, что они и не могли быть доведены до какого-либо логического итога, даже теоретически. Он предостерегает от оценки ленинской концепции НЭПа именно как коренного изменения концепции построения социализма в целом. О том, что это было вынужденное, хоть и необходимое отступление перед капитализмом, утверждает Никольский, свидетельствует то, что «глубина проработки Лениным вопросов первого периода „военного коммунизма“ несоизмеримо серьезнее той, которую он обнаружил в период нэповский» (там же: 158). В заочной полемике с О. Лацисом (который писал, что у Ленина в 1918 г. «в общем и главном» уже была концепция периода 1921 г., хотя и без «существенных деталей» (там же: 159)) доказано, что лидер большевиков окончательно так и не определился ни со сроками осуществления НЭПа, ни с мерой допуска капиталистических отношений (в первую очередь, в аграрной сфере и торговле), ни с их соотношением с государственной бюрократией и социалистической идеологией. Сам Ленин, подчеркивает С. А. Никольский, за короткий срок (весна 1921 – начало 1923 г.) несколько раз менял собственную аргументацию относительно необходимости введения новой экономической политики: начиная с достаточно размыто сформулированных задач «продержаться» до победы мирового социализма и создания «смычки» между «экономикой социализированных фабрик, заводов и совхозов» и «экономикой индивидуальных крестьянских хозяйств» (там же: 166) — и заканчивая достижением социального умиротворения через регулируемый государством капитализм («...ибо „поставленный в рамки“» «капитализм этот необходим для широкого крестьянства», что нашло отражение, например, в Земельном кодексе 1922 г. (см. там же: 282, 284–285)). При этом, как отмечает С. А. Никольский, Ленин видел в НЭПе, при его долгосрочном проведении, не меньшую социальную опасность, нежели

в военно-репрессивных методах «военного коммунизма», конкретно — в расколе «между сознательным пролетариатом (или, по крайней мере, его передовой частью) и отсталым крестьянством, в условиях НЭПа переходящим на буржуазную почву» (Никольский, 2023: 162). К этому добавляется еще одно отмеченное автором обстоятельство — реальные возможности Ленина воздействовать на проведение в жизнь мероприятий НЭПа, в том числе посредством выбора в рядах партийной элиты того, кто бы смог наиболее последовательно воплотить на практике его идеи. Его последние надиктованные статьи отличает понимание «отсутствия среди большевистской элиты людей, к чему-либо, кроме тоталитаризма, готовых» (там же: 163).

Трагедия коллективизации рубежа 1920–1930-х гг. («страшная победа над деревней», в формулировке С. А. Никольского), связанная с изменением типа советской власти — сложившегося режима государственно-партийной номенклатуры, выдвинувшей в качестве своего вождя И. Сталина (там же: 330), — выступает еще более контрастно в сравнении с уничтоженным ею НЭПом и одновременно является возобновлением практики «военного коммунизма», продиктованным всей логикой построения советского на основе теории классовой борьбы, выделенной из марксизма Лениным и принятой Сталиным к практическому осуществлению.

Безусловно, отмечается, что оформление сталинизма (авторитарной власти Сталина в виде тоталитарного культа), сворачивание НЭПа, сплошная коллективизация — это тесно взаимосвязанные явления. Глава «Сталинизм», выступающая смысловым коррелятом главы «Коллективизация», при поверхностном ознакомлении может выглядеть как очередное обличение Сталина и его политики. С. А. Никольский подробно останавливается на формировании личности и властных амбиций будущего «вождя народов» (опираясь в том числе на исторические «апокрифы» — публицистические материалы), включая подростковую жестокость и аморальное поведение во время ссылок. Однако суждения автора не ограничиваются общеизвестным. Наряду с жесткими оценочными суждениями о Сталине автор высказывает важную мысль: феномен Сталина возник как органичное и привычное в благодатной общероссийской почве насилия и подавления, традиционного подавления личного — коллективным, инородного — однородным, слабого — сильным, оригинального — банальным. Одновременно, указывает С. А. Никольский,

четко сознавая главное свойство российского общества в отношениях с любой властью, Сталин верно учуял его основное, едва не родовое приспособительное по отношению к самодержавию качество — покорность. В постоянной на протяжении всей истории политике российской власти — сочетания «кнута и пряника» — он верно угадал безропотную всегдашнюю готовность россиян быть покорными (Никольский, 2023: 200).

Большой террор 1930-х гг., не говоря уже о более раннем по времени уничтожении всех, кто мог бы составить хоть какую-то альтернативу сталинскому тоталитаризму, был принят и поощрялся подавляющей массой народа как привычная практика осуществления властного управления. Поэтому вывод С. А. Никольского о сталинизме принимает вид закономерности, но закономерности страшной:

Нужно признать, что власть во всех отношениях, включая ее людоедскую сущность, была поистине народной. Она в полной мере органически сочеталась с российскими историософскими основаниями и была исключительно технологична с точки зрения своего присоединения к российской истории (там же: 189).

Оригинальный взгляд на предмет исследования, логика выстраиваемых рассуждений (и, не в последнюю очередь, их эмоциональный «градус»), обоснованность выводов С. А. Никольского обусловлены и избранной им совокупностью методов. Заявленные «философско-антропологический, философско-исторический (философия истории), политологический, исторический» подходы дополнены философско-художественным инструментарием (там же: 12). Этому последнему С. А. Никольский отводит ключевую роль в деле понимания советского, в полной мере реализуя во второй части диалогии — «Советское. Философско-литературный анализ».

Определенное ранее как феномен, выросший на традиционной русской культурной почве, советское содержит мощный компонент критической саморефлексии, размышлений о своей особой исторической миссии, внутренние противоречия и сомнения, утопические проекты построения идеального будущего в огромном массиве художественного нарратива. «Поэт в России — больше, чем поэт...» — в монографии эта максима Е. Евтушенко определенно обретает не только художественную конкретику, но и ценность историософского метода. Оговоримся, что речь не идет о придании художественным источникам строгой фактологической значимости, но не будет преувеличением сказать, что русская литература,

поэзия, драматургия XIX–XX вв. заслуживают к себе исследовательского внимания именно постольку, поскольку создают оригинальную интерпретацию исторических процессов. Их исходный принцип — через художественную образность и метафорику выразить ментальные изменения, далеко не всегда научно фиксируемые и объективно осознаваемые в «исторической матрице» отечественной культуры. Лучшие представители русской творческой среды (Ф. Достоевский, Н. Лесков, Л. Толстой, А. Чехов, И. Бунин, М. Горький, Е. Замятин, М. Шолохов, А. Платонов, М. Булгаков и др.), несомненно, обладали «государственным мышлением» — не в плане конкретной политики, но в улавливании глубинных, в том числе иррациональных, первооснов и тонких нюансов российского бытия и сознания, достоинств и изъянов национального характера, в способности подняться над задачами жанра и генерализирующим принципом концептуализировать фабулу произведения.

Как и российские теоретики марксизма и конструкторы советского строя, русское искусство и литература XIX–XX вв. самым непосредственным образом формируют и критическое отношение к действительности (критический реализм), и утопию советского общества будущего (социалистический реализм) (Никольский, 2023: 21). Так, корневые предпосылки органичности марксизма в русской почве можно обнаружить у Н. Чернышевского в романе «Что делать?», а модель социалистического отношения к труду, еще более абсурдного в своей художественной гиперболизации — в «Чевенгуре», «Котловане» и «Ювенильном море» А. Платонова.

Возможно, предвидя спорное восприятие философско-художественного метода в научном сообществе, особенно среди академических историков, автор объясняет свое принципиальное обращение к художественным источникам масштабами предмета и характером исследовательских задач (главная из которых — создать целостный образ явления), для решения которых строгой научности явно недостаточно: советское будет исследоваться также

как результат литературного анализа советской реальности (с поправкой на пропаганду). Этот рационально осмысленный и художественно оформленный чувственный опыт важен потому, что в нем будет анализироваться восприятие советского не просто талантливыми авторами, но прежде всего современниками событий, то есть теми, кто жил рядом с реальными творцами истории и кто отчасти и сам был ее создателем (там же: 18).

Тем самым встроенные в рамки научного текста художественные (по преимуществу, литературные) высказывания С. А. Никольский признает легитимными и равноправными документальными свидетельствами. И, на наш взгляд, с этим нельзя не согласиться, а сам философско-художественный метод нужно признать эффективным и удачно совмещенным с авторским стилем подачи материала.

В завершение предположим, что книгу С. А. Никольского, несмотря на ее несомненную научную ценность и методологическую оригинальность, ждет непростая судьба. Она, как большой программный текст, создавая целостный и противоречивый образ советского прошлого, в то же время обращается к актуальной российской ситуации. В конце первой части книги со стороны автора звучит драматический вопрос: «Было ли превращение аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную возможно только таким бесчеловечным способом? Не был ли возможен иной, человеческий путь?» (Никольский, 2023: 361). И С. А. Никольский отвечает на него: «Если исчезает человек, то проблема не только не исчезает, но, напротив, становится более острой» (там же). Потому обобщение опыта советского прошлого необходимо — чтобы можно было понять, какой будет цена будущего.

Mal'tsev, K. A. 2025. "Fenomenologiya sovet-skogo: ot marksizma k stalinizmu [The Phenomenology of the Soviet: From Marxism to Stalinism]: retsenziya na knigu Sergeya Nikol'skogo o genezise sovet-skoy epokhi [A Review of Sergey Nikolsky's Book on the Genesis of the Soviet Era]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (2), 415-427.

KONSTANTIN MAL'TSEV

PHD IN PHILOSOPHY

ASSOCIATE PROFESSOR

PERM STATE INSTITUTE OF CULTURE (PERM, RUSSIA); ORCID: 0009-0007-7606-3736

THE PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET: FROM MARXISM TO STALINISM

A REVIEW OF SERGEY NIKOLSKY'S BOOK ON THE GENESIS
OF THE SOVIET ERA

NIKOL'SKIY, S. A. 2023. *SOVET-SKOYE. IDEYA I PRAKTIKA [SOVIET. IDEA AND PRACTICE]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW] AND SANKT-PETERBURG [SAINT PETERSBURG]: TSENTR GUMANITARNYKH INITSIIATIV [CENTER FOR HUMANITARIAN INITIATIVES]

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-415-427.